

Думаешь, это кино?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАБУДЬ НАМ ГРЕХИ НАШИ

По улицам с воем пронеслась «Скорая», и сразу взвыла всякая псина в округе: и пекинесы, и бордер-колли, и немецкие овчарки, и бостон-терьеры, и уиппеты. Дворняги и чистокровки, далматинцы и доберманы; пудели, бассет-хаунды и бульдоги. И пастушьи, и домашние, и бродячие. И помесь, и породистые — все единой глоткой вторили вою сирены.

И все они на время стали одной сворой. Вой каждого пса стал единым воем на всех — сирена затерялась в этом громовом вое. Когда же звук, что пробудил и объединил их, исчез, песий вой держался еще долго: не в собачьих силах отринуть единство стаи по своей воле.

Приподнявшись на локте, Джимми прислушался.

— Чего это? — спросил он.

Рядом с ним в постели шелохнулась Митци. Взяла бокал вина, стоявший на полу, и спросила:

— Что «чего»?

В офисном здании через дорогу светилось одно окно. За ним, словно выставленный на всеобщее обозрение, всматривался в экран компьютера человек. По его лицу проносились отсветы двигавшихся на экране картинок. Свет отражался в очках и дрожал в слезах на щеке.

Лай стоял не только за окном, но и по всем соседним кондоминиумам. В волосах над поникшим и мокрым членом Джимми нагнаивался прыщ. Видно было, что вот-вот лопнет. Бугорок, набрякший розовато-белым гноем.

— Чего это собаки так развылились?

Когда она потянулась, чтобы скovyрнуть бугорок, оказалось, что это не прыщ. Что-то прилипло к коже: таблетка, просто закатившаяся таблетка снотворного. Пилюля «амбиена», которую она подцепила ногтями и сунула в рот, запив глотком вина.

— Лимбический резонанс, — ответила Митци.

— Эт че такое?

Джимми соскользнул с постели.

Уж кем-кем, а джентльменом Джимми не был. Дикарь, пещерный человек, став босиком на полированное дерево пола, он ухватил край матраса и рванул его, прямо с Митци, с кровати. На сей раз хоть не за волосы, и на том спасибо. Джимми потащил матрас через всю спальню к высокому окну с видом на городской простор.

— Че за «сбический резонанс»?

— Лимбический, — ответила Митци. — Лимбический резонанс. То, над чем я работаю.

Она поставила пустой бокал на подоконник. Строгая решетка уличных огней ярко сверкала под хаотичной россыпью звезд. Вой затихал.

— Я работаю над тем, — добавила Митци, — чтобы весь мир взвыл одной глоткой.

Фостер позвонил не адвокату, а своему наставнику, Роббу. Тут полиция-то была какая-то ненастоящая, так, участок в аэропорту. Да и Фостер всего-то прикоснулся к девчонке, то еще преступление. Арестовали? Вроде того, но держали в кафе у касс продажи авиабилетов. Усадили его на складной металлический стул, а напротив вдоль стены выстроились торговые автоматы. На руке кровоточил маленький полумесяц укуса.

Задержали только один рейс, тот, которым летела девочка, — чтобы она написала заявление.

Фостер попросил фейковых копов вернуть ему телефон и показал снимок на экране. Тем пришлось признать, что человек в розыске похож на этого извращенца. На извращенца, который был с девочкой.

Один из фейковых копов, парень, спросил, откуда у Фостера снимок, но разве обо всем расскажешь?

Фейковая коп-девица сказала ему:

— В мире полно потерявшихся малышей. Это не дает вам права ни с того ни с сего хватать чужого ребенка.

Самого же Фостера интересовала судьба багажа. Его рейс в Денвер улетел. Грузят ли багаж, если пассажир не сел в самолет? Сейчас, наверное, собаки из группы разминирования обнюхивают его сумку. Вряд ли нынче сыщешь город, где бесхозный чемодан приличного вида будет долго кататься по ленте транспортера в зале прибытия. Можно не сомневаться: кто-нибудь его прихватит. Сделает вид, что посмотрел багажную бирку, и даст деру.

Ну а Фостеру сейчас не помешало бы выпить. Выпить да швы на руку наложить. Перед потасовкой он успел проглотить пару мартини в баре аэропорта — и тут увидел девчущку. Его взгляд привлекли темно-рыжие волосы Люсинды. Вроде как раньше стрижка была длиннее, а сейчас волосы едва касались плечиков. Девочка была того же возраста, что и Люсинда, когда та пропала семнадцать лет назад.

Впрочем, сперва он об этом и не думал, действовал инстинктивно. Головой Фостер понимал, что человек с возрастом меняется. Например, фотографии пропавших детей на молочных пакетах. Каждый год детские лица делают старше при помощи компьютерной графики. Эксперты берут фотографии матери, теток, всяких родственников женского пола, чтобы хотя бы приблизительно

создать облик повзрослевшей девушки. И тогда в любом супермаркете между баллончиками со взбитыми сливками и пакетами сливок для кофе можно увидеть улыбку Люсинды.

Фостер мог поклясться, что девочка в аэропорту — Люсинда. Выяснилось, что это не так.

Окончательно его добило, когда извращенец взял девчущку за руку и повел к посадочному выходу аэропорта. У Фостера и сердце не екнуло: он лишь бросил на стол наличные и бросился за преступником. Вынув телефон, принялся листать фото в альбоме, в своей галерее злодеев. Вот заблуренные лица, татуированные шеи. А вот четкие анфасы потных растлителей малолеток.

Подонок, что уводил девочку, был похож на нескладного пса Скуби-Ду. Худой и косматый, типичный наркоман в шлепанцах. Фостер принялся кружить около своей цели, чтобы снять с разных ракурсов. У выхода к трапу сотрудница проверяла посадочные талоны.

Дегенерат-наркоша показал ей два билета и вместе с девочкой, последним пассажиром на посадке, направился в самолет.

Задыхаясь после бега, Фостер подошел к сотруднице:

— Вызывайте полицию.

Она преградила ему путь, не давая пройти в посадочный рукав, и подала знак коллеге у стойки, подняв руку.

— Сэр, немедленно остановитесь.

— Я расследую похищение. — Хватая ртом воздух, Фостер поднял телефон, показывая ей зернистое изображение косматого мужика с ввалившимися глазами на изможденном лице. Где-то далеко и невнятно послышалось объявление о начале посадки на его рейс. За окном было видно, как бригада аэродромного обслуживания догружает прошедший регистрацию багаж и захлопывает люки. Еще мгновение, и грузчики уедут.

Фостер отпихнул контролершу. Он и не думал толкать женщину с такой силой, это вышло случайно. Она полетела на пол, а Фостер заорал, громяхая подошвами по посадочному рукаву:

— Вы не понимаете! Он ее трахнет, а потом убьет!

У входного люка, собираясь закрыть его, стояла стюардесса, однако Фостер прорвался, оттолкнув локтями и ее. Он побежал, спотыкаясь, по проходу первого класса:

— Он снимает детское порно! Он губит детей!

Всем, кто мало-мальски интересуется темой, прекрасно известно, что торговцы детьми буквально повсюду: они стоят с нами в очереди в банке, сидят рядом в ресторане. Фостеру едва довелось коснуться поверхности сети, как эти хищники ринулись на него, норовя затащить в свой пагубный мир.

В проходе стояли несколько пассажиров, ожидая, когда можно будет сесть. Последней в очереди

ди была девочка, которая до сих пор держала за руку того худого подонка. Услышав крики Фостера, девочка и похититель оглянулись. Весь салон посмотрел сначала на преследователя, а потом на мужчину с девочкой. Может, из-за того, что на Фостере был темно-синий деловой костюм, может, из-за внушающей доверие стрижки и очков а-ля «умник» салон стал на его сторону.

Тыча указующим телефоном, Фостер продолжал орать:

— Он педофил, организатор международной сети детской порнографии!

Косматый ошарашенно пробормотал:

— Жестко, чувак...

Девочка расплакалась, и это расценили как доказательство обвинения. Всем захотелось стать героями: защелкали замки, отстегнулись ремни, а потом свора бросилась на подонка, и уже не было слышно его сдавленных негодующих выкриков. Ор поднялся со всех сторон. Те, кому не довелось вцепиться в торчка, подняли телефоны повыше и принялись снимать видео.

Фостер бухнулся на колени в проходе между рядами кресел и пополз к плачущему ребенку со словами:

— Вот тебе моя рука!

Девочка не удержала руку торчка и лишь смотрела, как тот исчезает под грудой тел. Ревя и заливаясь слезами, ребенок рыдал:

— Папочка!

— Он не твой папочка, — проникновенно ворковал Фостер, который досконально знал все детали похищения. — Разве ты не помнишь? Он увез тебя из Арлингтона в Техасе. Но не бойся, теперь все ужасы в прошлом.

Фостер тянулся к ней, пока не накрыл ручищей маленькую ручонку.

Пещерный подонок беспомощно утонул в давке сражающихся пассажиров. Девочка пронзительно завизжала, и в этом визге не было слов, лишь боль и ужас, а Фостер притянул ее к себе и обнял, успокаивая и поглаживая волосики на голове, без умолку повторяя:

— Ты в безопасности. Теперь ты в безопасности.

Он скорее сознавал, чем видел, как его снимают пассажиры: мужчина в синем костюме, никто и звать никак, опустил на колени в проходе между рядами кресел самолета и лапает девчушку в цветастом платье.

Из динамиков раздался голос:

— Говорит командир корабля. К нам направляется опергруппа управления транспортной безопасности. Прошу всех пассажиров оставаться на своих местах.

Девочка рыдала и тянула ручонки к колтуну волос извращенца, едва различимого под грудой тел.

Фостер взял заплаканное личико обеими ладонями и встретился взглядом с невинными карими глазками:

— Ты больше не будешь его секс-рабыней.

Какое-то мгновение все купались в теплом сиянии коллективного героизма. Видео в прямом эфире расходилось по Интернету. Затем сразу в паре сотен видеоклипов на «Ютьюбе» голова Фостера оказалась в локтевом захвате сотрудника службы безопасности.

Словно ограненные его ладонями, глаза девочки засверкали удивительной, непоколебимой решимостью.

Фостер прохрипел, задыхаясь:

— И не благодари, Салли.

— Меня зовут Кашмир, — отозвалась девочка.

И повернула свою малюсенькую головку как раз настолько, чтобы тяпнуть его за большой палец.

Спасатели придумали для этого свое название. Спасатели, которым оставалось лишь увезти труп. Они говорили: «ушел по-фонтейновски» — по названию высотки, в которой жильцам не к чему было привязать веревку, потому что в высоченных потолках небоскреба светильники были встроеными.

Стильно, но человека не повесишь.

Контейнеры для отдельного сбора мусора в подвале здания могли многое порассказать.